

Полевые исследования и социальные структуры

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

В статье обсуждаются проблемы, поднятые в материалах С.Г. Кордонского и О.А. Моляренко в этом номере «ЭКО». В частности, рассмотрены сильные и слабые стороны метода полевых исследований, достоверности статистики, роль государства в формировании качественной информации для управления. Обсуждается вопрос о сословном характере российского общества.

Ключевые слова: полевые исследования, искажение информации, сословное общество, публичная политика

Встречаются два выдающихся экономиста:

- Слушай, что у нас творится в экономике?
- Сейчас все объясню.
- Объяснить я и сам могу. Ты скажи, что происходит...

(Анекдот времен перестройки)

О пользе полевых исследований

Экономистам, социологам и представителям других общественных наук необходимо постоянное общение не только с коллегами, но и с «простым» народом. Это позволяет понять, что скрывается за данными статистики, что действительно думают люди и почему они поступают так, а не иначе, как на самом деле функционирует власть и почему вроде бы разумные меры оборачиваются безобразиями.

С этой точки зрения полевые исследования незаменимы. Помнится, лет 40 назад, когда мы, вернувшись из деревни, рассказывали о своих впечатлениях о сельской жизни, это вызывало живой интерес у наших коллег, среди которых были и дипломированные социологи. Мы говорили об особенностях работы на току или в силосной яме, манипуляциях с нормами выработки, бесхозяйственности и воровстве, «диких» строительных бригадах, межнациональных отношениях и многом другом. Но главным открытием было то, что советской власти на селе не было, вернее, она была, но находилась на содержании у руководителей предприятий. Только поработав на селе, мы

начинали понимать роль парткомов в управлении и значение личных связей, необходимых для функционирования системы.

Можно вообразить культурный шок, который испытывает образованный и зажиточный житель столицы, внезапно перенесенный в сельскую глубинку центральной России. Тут впрямую этнографов звать на подмогу.

Поэтому полевые исследования нужны (хотя метод включенного наблюдения более эффективен), но каким образом из разрозненных кейсов строить общее представление о состоянии и перспективах общества, как выбирать репрезентативные объекты и какие выводы допустимы, – всё это важные вопросы.

О структуре советского и постсоветского общества

Политэкономия социализма объясняла, что советское общество состоит из двух неантагонистических классов: рабочих и колхозного крестьянства и прослойки в виде советской интеллигенции. Такая классификация не удовлетворяла исследователей, поскольку внутриклассовые различия были много больше межклассовых. У общества явно была более сложная социальная структура, и это становилось все очевиднее по мере свертывания социальных лифтов. Поскольку классовая теория была отвергнута, пошли разговоры о сословном характере советского, а потом и постсоветского общества. Действительно, многие черты сословного общества видны невооруженным глазом: разные стартовые условия карьеры для детей, различия в доступности образования и медицины, неравенство перед судом и т.п.

Но есть и путаница. Сословное общество жестко регламентировано и освящено традицией. Кстати, сословия появились до государства и во многом составили его основу. И государство не могло произвольно создавать или ликвидировать сословия. Принадлежность к сословию была общепризнанна и считалась в Европе важнее, чем даже религия и подданство, не говоря уже о национальности. Любого человека можно было наказать или убить, но требовалось соблюсти сословный принцип. В большинстве стран сословия были упразднены в результате эмансипации и установления формального равенства перед законом. Но это не отменило имущественного расслоения и социальной сегрегации. Более того, появились новые механизмы дифференциации

общества, причем имущественное расслоение, размеры и структура доходов играют уже не самую важную роль.

Сейчас речь идет, разумеется, не о условиях, а о группах с особыми интересами, которые налагают повинности на своих членов, частично объединяют ресурсы и предоставляют участникам нечто, похожее на общественные блага. В этом смысле наша страна принципиально ничем не отличается от других, только лоббирование законодательно не регламентировано. Прелесть сословной концепции в том, что она отсылает нас к некой традиции, идущей то ли от варягов или монголов, то ли от Петра I или Екатерины II. С другой стороны, эта концепция легко объясняет, почему у нас столь высока имущественная и правовая асимметрия и почему ничего сделать с этим нельзя. Почему в отличие от некоторых стран мы движемся по кругу, хотя все решения направлены на решительный прорыв в светлое будущее.

Государство действительно пытается построить сословное общество, поскольку им легче управлять. Но советский опыт показывает, что сословные структуры формируются и помимо государства.

Об информации

Информация нужна для принятия решений, но решения определяются не только информацией. Действительно, поскольку повсеместно люди, которые готовят информацию, имеют собственные индивидуальные и групповые интересы, то она искажается, приводится в несопоставимый вид, а иногда просто скрывается или игнорируется. Но поскольку дефекты информационного обеспечения очевидны, то управленцы часто ориентируются на предыдущий опыт, интуицию и одновременно запрашивают все больше информации. Рост числа отчетов и ответов на запросы плодит новые массивы несистематизированной и несопоставимой информации, которую некому обрабатывать и анализировать. Одновременно все большее число работников не только бюджетной сферы, но и частного бизнеса превращаются в квазичиновников, нарабатывая все более грандиозные массивы данных и перегружая работой чиновников настоящих.

В обществе широко распространено мнение о том, что в органах власти сосредоточены уникальные массивы данных, а сами высокопоставленные чиновники обладают сокровенным знанием о том, что происходит в стране и за ее пределами, и, что самое

главное, произойдет в будущем. Фактически же сокровенное знание обычно ограничивается представлением о вкусах, настроениях и стиле работы начальства, и о том, кто находится на взлете, а кто на излете в смысле карьеры и служебных перспектив.

Поскольку знание – сила, то ведомства неохотно делятся информацией. Но вместо координации работы ведомств, в том числе и в части информационной работы, имеет место кураторство. Это хорошо видно на примере совещаний и согласований, описанных С. Г. Кордонским, что напоминает сцену из популярного фильма, в которой начальник спрашивает: что тут у вас происходит? И получает ответ: завтра проведем совещание и все решим.

Понимая, что в системе управления что-то не так, что многие функции дублируются и одновременно важные области человеческой деятельности никак не контролируются и не регламентируются, т.е. не пополняют казну, государство постоянно что-то реформирует. В чиновничьем аппарате появился, похоже, новый креативный класс, который по примеру комсомольцев прошлого постоянно выступает с инициативами в надежде на карьерный взлет. Однако власти не доверяют аппарату и создают все новые экспертные советы и группы, нанимают консультантов для разработки всяческих стратегий и реформ. Со временем образовался узкий круг консультантов и советников, допущенных до тела и уха власти. Является ли этот круг избранных новым сословием или группой с особыми интересами?

Немного о науке

Существует странное представление о том, что есть отечественная наука, плохая, корявая, но работающая с отечественным материалом и потому крепко стоящая на родной почве. И есть западная наука, опирающаяся на либеральные идеи и математические модели и не способная выявить и учесть российскую специфику. Но ею пичкают подрастающее поколение, которое потом просто не понимает родной действительности и, более того, не владеет языком для ее описания.

Но, во-первых, какие бы претензии мы ни предъявляли отечественным обществоведам, среди них есть очень серьезные и компетентные ученые, что вряд ли кто-то будет оспаривать. Осталось только научиться отделять зерна от плевел. Во-вторых, западная наука столь разнообразна по числу школ и направлений,

научным программам и идеологической окраске, что при желании можно найти тот теоретический фундамент, на котором хочется возвести собственное здание.

Идея П. Щедровицкого о том, что наука умерла, и XXI век будет веком методологии (или технологии), очень популярна, что не делает ее бесспорной. Картина мира за последние 50 лет изменилась радикально просто потому, что изменился мир. Не замечать это очень странно.

Самое главное, происходит пересмотр целей и функций государства в общественном развитии. Уход от государства или, наоборот, новые требования к нему со стороны различных групп – всё это горячо обсуждается, так же как выбор приоритетов и действенность различных инструментов государственной политики, регулирование или дерегулирование рынков и видов деятельности, централизация или децентрализация в управлении и т.п. Важная проблема – теория транзита социально-экономических и политических систем. Причем в обоих направлениях, поскольку ряд стран смогли из третьего мира перескочить в первый, а некоторые совершили прорыв в обратном направлении.

Да, государство повсеместно стало большим и генерирует все больше информации. Возникает вопрос, почему это так и как государство портит информацию. Яркий пример с ВВП как индикатором экономического роста. Поскольку в неоклассической модели вблизи точки оптимума предельные затраты и результаты совпадают, то рост затрат на содержание чиновничьего аппарата увеличивает ВВП, а альтернативная стоимость не рассматривается. Отсюда возникает удивительный феномен: экономический рост, подрывающий экономический рост. То же самое относится и к росту чистого экспорта. Чем меньше население потребляет импортных товаров, тем выше экономический рост. Но претензии должны быть предъявлены не к показателю, а к государственной политике и государственной статистике.

Если же государственное телевидение останется основным источником информации, главным результатом публичной политики будет PR-эффект, а государство будет постоянно менять правила игры и повышать транзакционные издержки, то бег российского общества по кругу вне зависимости от того, сословное оно или нет, изучено или нет, будет продолжаться. Так что в этом отношении пессимизм С.Г. Кордонского понятен.